

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В. В. ГУРИН

МОРАЛЬНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ ИМПЕРИИ ГЛАЗАМИ ТАЦИТА О ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РИМСКОГО ИСТОРИКА

Автор поднимает вопрос о гражданской совести и активной жизненной позиции римского историка Корнелия Тацита. Выдвигается гипотеза относительно природы сохранения данной ценностной ориентации в трудах историка и причин «отказа» от занятий историей.

Ключевые слова: история, античность, Тацит, гражданская совесть, кризис идентичности, активная социальная позиция.

Сегодня как никогда значимой является забытая, некогда хорошо артикулируемая в отечественной историографии XIX века, тема гражданской совести историка. Будучи актуальной всегда, данная проблема особенно обостряется в кризисные периоды, когда людьми овладевает апатия, и они мало осознают, что являются частью одной этнической общности, с общим языком, культурой, прошлым и будущим. Именно в такое время жил великий римский историк Корнелий Тацит.

На сегодняшний день написано немало работ, прямо или косвенно посвященных историку Тациту и его трудам, но, как правило, исследователи упускают из виду Тацита как человека и гражданина, хотя, именно гражданская совесть Тацита побудила его к занятиям историей¹.

Труды Корнелия Тацита не были востребованы его потомками. Трудный автор, он не считался классическим и не изучался в римской школе². К текстам Тацита обращались лишь некоторые ученые и историки, наиболее выдающийся из которых – Аммиан Марцеллин – жил почти три столетия спустя. «Презрев более близких по времени историков», он начинает свой труд с того времени, на котором окончил свое повествование Корнелий Тацит, что само по себе не случайно.

Тацит понимал, что рассчитывать на громкую славу своих предшественников ему не придется: «Я понимаю, что многое из того, о чем я сообщил и сообщаю, представляется, возможно, слишком незначитель-

¹ Для психологии гражданина характерны непосредственные и неотчужденные связи в системе «община – гражданин», т.е. связи соучастия, в то время как подданного определяют связи системы «империя – подданный», т.е. связи подчинения. См. об этом: Культура древнего Рима. Т. 1. С. 22.

² Тронский. 1969. С. 240.

ным и недостойным упоминания; но пусть не сравнивают наши анналы с трудами писателей, излагавших деяния римского народа в былые дни. Они повествовали о величайших войнах и взятии городов, о разгроме и пленении царей, а если обращались к внутренним делам, то ничто не мешало им говорить обо всем, о чем бы они ни пожелали: о раздорах между консулами и трибунами, о земельных и хлебных законах, о борьбе плебса с оптиматами; а наш труд замкнут в тесных границах и поэтому неблагоприятен: нерушимый или едва колеблемый мир, горестные обстоятельства в Риме и принцепс, не помышлявший о расширении пределов империи» (Тац. Анн., IV, 32).

Выводы о «неблагодарности» ремесла историка в империи не могли не посещать и Аммиана Марцеллина, по свидетельству которого «в городах Римской Империи, за исключением Александрии, наука и философия преданы забвению, в Риме знать – о плебсе нечего и говорить – не читала ничего, кроме Ювенала и Мария Максима, «авторов, способных лишь пересказывать занимательные истории и придворные сплетни» (XXVIII, 4, 14), а «библиотеки навсегда заперты, как гробницы» (XIV, 6, 8). Видя всё это, Аммиан не мог рассчитывать на широкий читательский успех, на славу, к которой стремились многие историки»³.

Что же побудило его к занятиям историей? По мнению А.И. Немировского, труд Марцеллина пронизан обостренным чувством римского патриотизма⁴. Эти слова в полной мере можно отнести и к трудам Тацита. Как отмечал Г.С. Кнабе, Тацит мог бы стать величиной государственного масштаба, однако не стал, потому что выбрал другой *cursus* – «ровный, очень успешный, очень “высокий”, но лишенный того блеска и экстраординарности, которыми отмечен путь его коллег. Государственная деятельность была для Тацита формой реализации себя и безусловной жизненной ценностью, но не всего себя и не единственной ценностью»⁵. Г.С. Кнабе предельно емко охарактеризовал ценностные ориентиры Тацита: «Он был римским гражданином во втором или третьем поколении, сенатором в первом и, как для всякого неофита, Рим, его действительность, идеал и история обладали для него всеобъемлющим обаянием и неодолимой притягательной силой»⁶.

Тацит занялся историей потому, что верил в традиционную систему ценностей того, что некогда называлось *res publica Romana*, и что она может быть совместима с новой формой государственного правления –

³ Немировский. 1986. С. 268-269.

⁴ Там же.

⁵ Кнабе. 1981. С. 77.

⁶ Там же. С. 93.

принципатом, историческую закономерность которого он признавал. «Пока римляне жили скромно и неприметно, – писал он, – соблюдать равенство было нетрудно, но вот весь мир покорился нам, города и цари, соперничавшие с нами, были уничтожены, и для борьбы за власть открылся широкий простор». Историк поясняет историческую логику превращения республики в империю: «Вскоре вышедший из плебейских низов Гай Марий и кровожадный аристократ Луций Сулла оружием подавили свободу, заменив её самовластьем. Явившийся им на смену Гней Помпей был ничем не лучше их, только действовал более скрытно; и с этих пор борьба имела только одну цель – принципат» (Тац. Ист., II, 38). «Когда же враждующие группировки истощили друг друга во взаимной борьбе, Август принял под свою руку истомлённую гражданскими раздорами Республику»⁷ (Тац. Анн., I, 1).

Рассуждая об упадке красноречия (Тац. Диал.), своеобразного барометра общественно-политической жизни, Тацит впервые приходит к мысли (ее он будет развивать и в последующих произведениях), что свобода была той ценой, которую пришлось заплатить за мир внутри государства. Поскольку принципат – историческая необходимость, долг каждого достойного человека должен заключаться в служении ему на благо Рима. «Неся на себе тяжчайшее бремя попечения обо всем мире, принцепс испытывает нужду в поддержке...» (Тац. Анн., XII, 5), и Тацит оказывает ему такую поддержку, продвигаясь не без помощи Веспасиана, Тита, а затем и Домициана по служебной лестнице, честно служа империи⁸, избегая прямой критики, хотя можно предположить, что действительность правления Домициана заставила его обостреннее прочувствовать деградацию власти. Известно, что глубокое, более проникновенное, понимание действительности, как правило, проистекает из страдательно-творческого переживания каких-то кризисных явлений личного порядка, преломляющих болезни времени. Казалось бы, сам Тацит не только напрямую не сталкивался с произволом императора, но напротив, получил в 81 или 82 г. должность квестора, в 88 г. стал претором, одновременно занимая пожизненную жреческую должность как член коллегии «пятнадцати мужей», заведовавший культами иноземного происхождения. И

⁷ *Вержбицкий*. 2008. С. 339-340.

⁸ «Если бы огромное тело государства могло устоять и сохранить равновесие без направляющей его руки единого правителя, я хотел бы быть достойным положить начало республиканскому правлению. Однако мы издавна уже вынуждены идти по другому пути: единственное, что я, старик, могу дать римскому народу, – это достойного преемника, и единственное, что можешь сделать для него ты, человек молодой, – это стать хорошим принцепсом», – обращается Гальба к Пизону (Тац. Ист. I, 16).

вдруг неожиданно в 89 г. он вместе с женой покидает Рим, куда вернется лишь после смерти своего тестя Юлия Агриколы, известного военачальника. В «Жизнеописании Юлия Агриколы», написанном после смерти Домициана, содержится намек на причины, побудившие историка взяться за перо. Тацит упрекал императора в том, что тот справлял фиктивные победы над германцами и, завидуя военным успехам Агриколы в Британии, не поручал ему новых провинций (Тац. Агрик., 39-40). Но, как показали археологические исследования, победы Домициана не были мифом, да и завоевательные операции Агриколы не стоит преувеличивать. Вероятно, Агрикола претерпел немало упреков в чрезмерной уступчивости и угодничестве перед императором и, как и Тацит, стал мишенью для оппозиционных сенаторских деятелей⁹. Думается, что конфликт со знатью, находившейся в лагере оппозиции, крылся не в плоскости предъявляемых ему обвинений. При всем том, что большинство ее представителей, с деформированными условиями кризиса идентичностью, действительно пресмыкались перед императором¹⁰, Тацит сохранял тот *cursus*, который был результатом как государственной мудрости, так и гражданственности. Историки не раз отмечали, что его чувство ностальгии по утраченной чистоте и простоте нравов римлян приводило к идеализации германских порядков и служило средством критики римской пресыщенности и испорченности. Однако сохранять верность этой стезе в условиях набиравшего обороты авторитаризма и произвола становилось все сложнее. Поначалу этот дрейф власти историк связывал с личностью ее носителей. Об этом можем судить, сопоставляя, к примеру, такие пассажи из «Анналов». Поскольку, «после государственного переворота Римское государство управлялось не иначе, чем, если бы над ним стоял самодержец» (Тац. Анн., IV, 33), из всех государей со времен Августа Веспасиан был единственным, кто, получив власть, изменился к лучшему (Тац. Анн., I, 50). Поэтому, пережив время террора, Тацит встречает принципат Нервы и Траяна с облегчением. Однако не случайно похвалы последнему наличествуют только в более раннем тексте – в «Агриколе». Как отмечает И.М. Тронский, в «Германии» имя Траяна упоминается лишь однажды в специальном хронологическом контексте, исчезая из позднейших исторических произведений¹¹.

По-видимому, приходит если не понимание, то интуитивное ощущение того, что независимо от личности ее носителя императорская

⁹ Подробнее об этом см.: Тронский. 1969. С. 211-212.

¹⁰ См. об этом: Зорина. 2009. С. 144-148.

¹¹ Тронский. 1969. С. 210.

власть всегда несет произвол, от которого никто не застрахован. Попытки утвердить «гражданскую доблесть» практическим служением принципам утрачивают для Тацита духовный смысл¹². Принципат принес римлянам долгожданный мир, но у этой медали была и обратная сторона: «Из динамичной история, как и жизнь народа, стала статичной, из исполненной перемен – стабильной. Линия, зигзагообразно, но неуклонно шедшая вверх, превратилась в горизонтальную прямую. В таких условиях коллективная деятельность людей, направленная на решение важных для всего коллектива задач, теряла для них, если не теоретически, то практически, значение и смысл, что неизбежно вело к преобладанию мелких личных целей и задач, к жизни, погруженной в рутину повседневности»¹³. Тацит отчетливо понимал, что «что-то происходило не так», что общество находилось в состоянии какого-то кризиса, однако сущность этого явления оставалась для него ясна не до конца. Видя, что римляне все дальше уходили от традиционной системы республиканских ценностей, Тацит пытался, морализируя, воздействовать на них, хотя и не мог не чувствовать тщетности своих усилий и неспособности что-либо изменить. Отсюда тот сильнейший драматизм, которым буквально дышат его последние сочинения, полные печали и отчаяния.

Глубокий кризис идентичности¹⁴, который так мужественно переживал этот «осколок римской старины», постепенно подходил к своему логическому завершению. Для Тацита становилось всё очевидней, что идеалы и ценности *res publica Romana*, которые волновали его самого до глубины души, безвозвратно уходят в прошлое вслед за создавшей их республикой, общество становится другим и они теперь не нужны. В занятиях историей для Тацита больше не было смысла. Он оставил их незадолго до своей смерти¹⁵, которая последовала, предположительно, в первые годы правления Адриана.

Сегодня мы обращаемся к трудам Тацита, имея возможность увидеть то, что ускользало от внимания исследователей еще относительно недавно. За два с лишним десятилетия, которые отделяют нас от времени падения Советского Союза, многое стало восприниматься иначе. Для историков тема гражданской совести приобретает особенно острую актуальность. В эпоху стремительной глобализации, которая бросает вызов любой общественной самоидентификации, национальная история

¹² Кнабе. 1981. С. 185.

¹³ Культура древнего Рима. Т. 1. С. 56.

¹⁴ Об этом впервые заговорил Э.Д. Гримм. См. Гримм. 1901. С. 305, 308.

¹⁵ Предположение, что Тацит намеренно не завершил «Анналы», убедительно высказал Г.С. Кнабе (1981. С. 168-169).

становится просто неудобной¹⁶. Кроме того, серьезной проблемой является непонимание и даже неприятие истории в массовом сознании. Все чаще становятся слышны голоса тех, кто настаивает на выходе из существующей альтернативы развития профессии примерно в таком алгоритме: либо историки так и останутся «...кастой знатоков, отгороженной от «непонимающего» её мира башней из слоновой кости»¹⁷, что, в конечном счете, приведет к её фиаско, либо, наконец, вспомнят о том, на чем не раз делали акцент представители французской школы «Анналов», а именно: о необходимости для историка занятия активной социальной позиции. Вспомним замечательные слова Люсьена Февра о другом основателе этой знаменитой школы, о Марке Блоке: «Он был великим историком не потому, что накопил большое количество выписок и написал кое-какие научные исследования, а потому, что всегда вносил в свою работу ощущение жизни, которым не пренебрегает ни один подлинный историк». «Это ощущение жизни стало родовой чертой всей школы «Анналов», обусловив её активную социальную позицию»¹⁸. Только активно вмешиваясь в жизнь, сегодняшний историк сможет отстоять право своей науки на *достойное* будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бойцов М.А.* Выживет ли Клио при глобализации?// Общественные науки и современность. 2006. №1. С. 91-108.
- Вержбицкий К.В.* Политические взгляды Тацита // История. Мир прошлого в современном освещении. 2008.
- Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. 2. СПб., 1901.
- Зорина Н.С.* Взрослое детство императора Нерона (структура идентичности будущего тирана) // Вестник ТГУ. Томск, 2009. № 323. С. 144-148.
- Культура древнего Рима. Т. 1-2. М.: Наука, 1985.
- Кнабе Г.С.* Корнелий Тацит. М., 1981.
- Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. II: Становление «новой исторической науки». Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003.
- Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю.* Новейшие метаморфозы образа прошлого и гражданская ответственность ученого: об идентичности историка XXI века / Новые подходы к изучению всемирной истории. К 40-летию ИВИ РАН. 2011.
- Немировский А.И.* Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. 355 с.
- Тронский И.М.* Корнелий Тацит // Тацит. Соч. в 2 тт. Л.: Наука, 1969. Т. II. С. 203-248.
- Гурин Виктор Владимирович**, студент кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета; vitya_g@mail.ru

¹⁶ Более подробно об этом см.: *Бойцов*. 2006.

¹⁷ *Могильницкий, Николаева*. 2011. С. 11.

¹⁸ *Могильницкий*. 2003. С. 7.